

Рассказ

© Владимир Петренко

Что за день выдался! В небе ни тучки. Если не считать то облачко, которое витало над Николаем и Анатолием. Лёгкий ветерок чуть во-рошил рыжую шевелюру одного, а с головы второго скатывался, как на салазках. Их мерседесы приткнулись рядом к реке, выглядя перевёрнутыми лодками. В шевитовых чёрных костюмах, при галстуках, в штиблетах, начищенных до такой степени, что в них можно было смотреться, как в зеркало, хозяева мерсов сидели на корточках друг против друга, пили по очереди из фляг «Мартель» и вздыхали:

– Не знаю, как тебе, Колян, а у меня эта светская житуха вот где сидит, – и Анатолий при этих словах ткнул соседа кулаком в бычий затылок, но тот даже не шевельнулся, а только икнул.

– Что верно, то верно, братан, – ответил он, вынув из нагрудного кармана пачку долларов и помахаив ими. – Этими бумажками хоть стену обклей, а радости с них – тыфу. Вот говорят: Багамы, Багамы. Был я там. Ну и что? То же, что в Сочи.

И он опять сплюнул.

– А в этой чёртовой Испании, думаешь, лучше? – вторил собеседник. – Выпускают на тебя бычков, и ты рвёшь от них когти. Да я за свою жизнь от мусоров почище спасался.

Говоря это, он потянулся за питьём. Взял. Глотнул. Поставил на место.

Напарник машинально сделал то же самое движение, но ощутил пустоту. Оглянувшись, увидел удаляющуюся фигуру и поблескивающий в её руке предмет.

Он было привстал, чертыхнувшись, собираясь догнать нахала и отпустить пару пинков, но вдруг, обхватив голову руками, заплакал на месте:

– Ура!

– Ты что, лишнего хватил?

– Не прочь бы, да хватала нет.

– А где твой бутылёк?

– Ноги ему приделали. Видишь, вон там удаляется?

Принц и нищий

Толян удивленно уставился на Коляна:

– И ты дал ему уйти?

– Да, ладно: пусть порадуется в награду за идею.

– Что ещё ты придумал?

– А вот что: хочешь побыть нищим?

– Это как? – недоумённо поглядел на Коляна Толян.

– Да так: нарядимся и будем просить. То-то посмеёмся.

– Молоток! Балда у тебя варит! Дальше уже и не надо ничего разъяснять.

Нищими, по мнению обоих, были все те, кто не имел тачки и фартовых шмоток. Они оделись во что придётся, предварительно хорошо приняв, и разошлись по заранее оговорённым позициям. Толян к паперти, где, как он считал, больше подадут, а Колян – на Арбат. Там иностранцы снуют, толку больше.

При виде нового человека старушки, промышленяющие у храма, заволновались, затем пошептались, и одна из них шмыгнула в притвор. Через минуту вслед за ней вышел бородатый верзила. Вразвалку приблизился к Толяну, в шапку которого кинули уже несколько монет, и поинтересовался хриплым басом:

– Крещёный?

– А то нет, – откликнулся Толян, не подозревая ничего плохого.

– Кажи крест!

Креста не оказалось.

– Ну это дело поправимое, – одобряюще сказал верзила и трижды вмазал Толяну по физиономии.

Держась за опухшую щеку, Толян полпёрлся к аэропорту, всё больше теряя интерес к затее. Но лишь присел со своею шапкой, как его окликнули:

– Шеф? Это вы, что ли? Что за прикид? – перед ним стояли, тараща глаза, две его сотрудницы.

– Да вот, – нашёлся сразу Толян, – поспорил с приятелем, что убогого изображу.

– Пока вы тут развлекаетесь, – перебивая друг друга, зашебетали сотрудницы, – вас и впрямь заделают нищим.

– Что вы там буровите! – прервал

их Толян. – Такого ещё никому в кайфе не привиделось.

– Если бы, – ответили девушки, опять все разом. – Петров с Сидоровым наш товар перекупают.

– Ах они, твари! – Толян вскочил, оставив шапку, но тут же вернулся, ссыпав в горсть из неё мелочь и побежал к машине...

Колян между тем, пройдя через горбатый мостик, где румяные дамы, держа в руках, как детишек, котят и щенков, зазывно впивались во всех идущих мимо, уселся у самого начала старого Арбата, потихоньку, чтобы никто не заметил, вынул из внутреннего кармана плоскую бутылку, пару раз глотнул из неё и, снова спрятав, скособочился как только мог и скорбно уставился на прохожих. Это произошло впечатление. В шляпу с расплывшимся на дне чернильным пятном звонко посыпались монеты. На звон кто-нибудь да приходит или приезжает. Кому как удобно. Пришёл этаким вихлястый парень и пропел: «Тили-тили тесто – давай гони за место».

– Что это ещё за местничество? – не меняя позы, поинтересовался Колян, имея в прошлом школу обращения с такого рода заявителями.

– О-о! – с интересом отозвался настырный проситель. – Таковы правила рынка, если врубаешься.

– Ну если так, держи! – и Колян протянул ту самую пачку, которой махал при первом знакомстве с читателем.

– Всё шутим, – прореагировал, зевнув, визитёр. – Куклу оставь себе.

– Ты разуй глаза, – предложил Колян. – А то и в самом деле оставлю! Для тех, кто пошустрей.

Вихлястый взял пачку, развернул, зачем-то её понюхал.

– Кто-то из нас того, – сказал он, покрутив пальцем у виска, когда, наконец, к нему вернулся дар речи.

– Только не я, – усмехнулся Колян.

– Да чтоб иметь такие бабки, – сказал вихлястый, тряхнув пачкой, – лет пять надо здесь побираться, да и то если повезёт.

– Да-да, – рассеянно ответил Колян. – Ты на воле чем вообще-то занимался?..

– Ты чё, – перекрестился вихлястый. – Ещё накаркаешь.

– Я хотел сказать – раньше, – поправился Колян.

– Пожары тушил.

– А если душа горит? – потёр грудь Колян. – Тогда что?

– Ну это легче всего, – и вихлястый сделал характерный жест под подбородком.

– Пробую, не выходит, – вздохнул Колян и полез за пазуху.

– Другого не ожидал, – сказал вихлястый, пару раз приложившись к протянутой бутылке и засовывая пачку под рубашу. – Чудишь, как вижу... Ну лады: раз ты такой прыц, действуй, пока не надоеет.

Колян тоже читал, что надоеет. Просчитался. И всё потому, что приволок на следующий день гитару.

Шоу надо было Коляну. Он был наверху блаженства и не собирался оттуда спускаться. Шапку, с которой тогда сидел, теперь носили по кругу. Колян стал солистом арбатского ансамбля, с той поры находящегося в тесном окружении зрителей.

Среди тех, кто стояли в первом ряду, Колян вдруг узрел Толяна. Это был теперь не тот хлыщ, каким он знал его ещё недавно, правда, костюм на нём был прежним, но давно не глажен, а ботинки уже не сияли довольством. И сам он выглядел поблекшим.

– Ты ли это, Толян? – спросил Колян, когда они остались наедине.

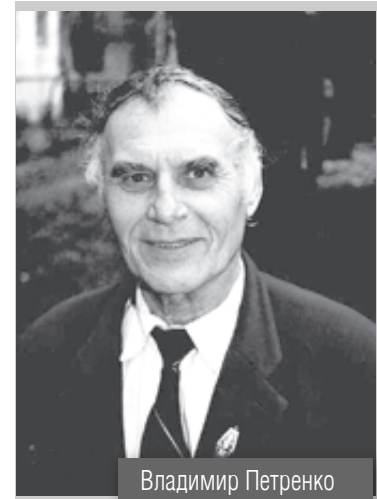
– А кто ж ещё? – уныло протянул Толян. – Шибануло по темечку, до сих пор не очухаюсь.

И он поведал нередкую в коммерческом мире историю.

– Кинули поделники, оставив от былых приобретений рожки да ножки.

– И только? – спросил Колян на полном серьёзе. – Нашёл о чём печалиться! Ты знаешь, до меня только сейчас дошло: нельзя человеку иметь слишком много – мешает оглядеться вокруг. Достаточно и того, что имеешь на каждый день, и чуть-чуть лишнего, на прихоть.

А если такая нервотрёпка тебя устраивает – помогу. Бери половину моего банковского счёта, остальное – смотри квитанцию принеси – отдай на строительство

Владимир Петренко

Справка «ММ»

Владимир Петренко родился 22 декабря 1927 года в Магнитогорске. Сын репрессированного, подростком работал на Магнитогорском металлургическом комбинате. Окончил Московский государственный университет, работал журналистом в газете «Магнитогорский металл». В 1968 году вступил в Союз журналистов СССР, работал в областной газете в Узбекистане. В 1994-м как вынужденный переселенец вернулся с семьёй в Магнитогорск.

Лауреат литературного конкурса имени К. М. Нефедьева в номинации «Публицистика». В 2003 году был удостоен специального приза Всероссийского конкурса журналистов «Золотой гонг». В 2007-м издал книгу повестей, рассказов и очерков «Крутой поворот» (16+). Скончался в 2013 году.

приюта для бомжей. А с меня хватит того, чем владею.

Толян поднял руку, прощаясь, но не успел сделать и шага.

– Подожди! – остановил его Колян. – Как у тебя с мерсом? Загнал его или ещё нет?

– Да вон он стоит. Видишь?

– Вижу-вижу. А насчёт стволов как?

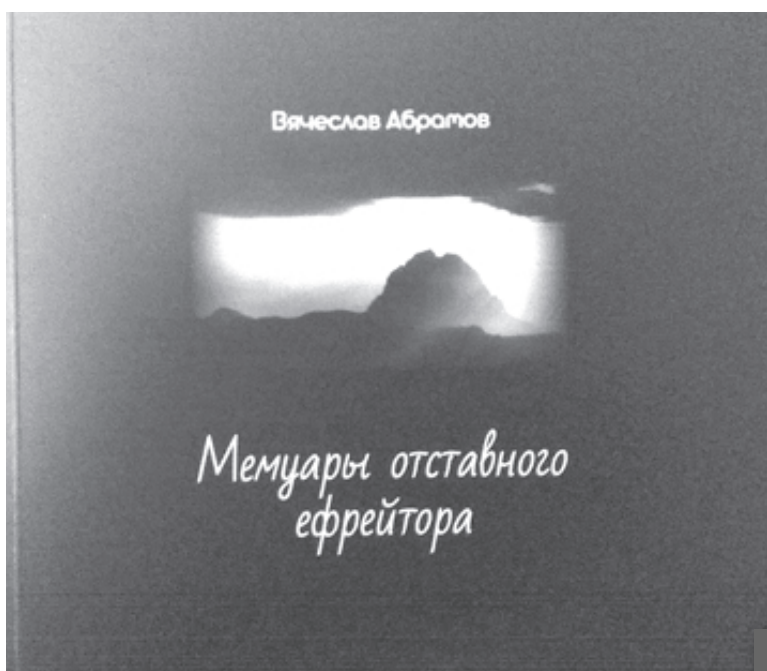
Толян выставил два пальца.

– Ну тогда поехали. Будем разбираться с твоими заморочками.

Книжная полка

Казарма с видом на Арарат

Испытания, достойно пройденные в юности, закаляют дух на всю жизнь

Vyacheslav Abramov

«Пред нашим взором предстала картина, написанная самим Богом. Библейские Большой и Малый Арарат смотрели на нас с запада. С востока, совсем рядом, возвышался исполинский скальный зуб с прорезью посередине. Как мы потом узнали, это была Змеиная гора, расколота надвое ковчегом Ноя. Горное плато, на котором мы находились, было окружено грядой белоснежных трёхтысячников. Я ходил вокруг казармы, оплетённой диким виноградом, и пел песни Высоцкого о горах...»

Это строки из «Мемуаров отставного ефрейтора» (18+), в которых Вячеслав Абрамов рассказал о своей службе в Советской армии. Автобиографическая книга написана живым языком, изобилует яркими деталями, наполнена добрым, зачастую грустным юмором. Суровые армейские будни заставляют заново оценить то, что было дорого «на гражданке». Юношеские свободолобие и свободомыслие нелегко сохранить в мире казарменной дисциплины. В армии как под увеличительным стеклом видны людские пороки и достоинства. И у

героя формируются представления о добре и зле, любви и ненависти.

Вячеслав Абрамов выбрал профессию инженера-электрика, трудовую биографию завершил ведущим инженером подстанции 500 киловатт «Магнитогорская». При этом стал одним из создателей кружка «Новая философская школа», а закончив курсы рабкоров при «Магнитогорском рабочем», сотрудничал с печатными СМИ города.

«Мемуары отставного ефрейтора» – четвёртая книга самобытного магнитогорского автора. Первые три также были замечены в литературных кругах – и в городе, и за его пределами. В прозаическом сборнике «Похороны колорадского жука» (18+) Абрамов объединил под одной обложкой зарисовки и фельетоны, которые в середине девяностых публиковал в еженедельнике «Русский дом» под псевдонимом Вячеслав Червяков. Затем, уже под собственной фамилией, Вячеслав Александрович издал две книги белых стихов: «Се человек» (18+) и «Воскресший» (18+). Теперь и «Мемуары отставного ефрейтора» пополнили городские библиотеки. Уверена, они обретут своего читателя.

© Елена Лещинская